

## Добрыня и Олеша (2)

С начала века, видишь, был царь Владимир красно солнышко.

Был царь Владимир красно солнышко

Со душой королевишной.

У него пир был про богатырей.

Был вёшной день в половину дня,

А княжецкой стол во полустолё.

В полсытá бояра наедалиса,

В полсытá княжие напивалиса,

Все на пиру разгулялися,

С молодыми жонами забавлялися.

Один доброй молодец невесел сидит —

Молодой Добрыня Микитич млад,

Не весел сидит Добрынюшка да не радошен,

Он повесил буйну голову,

Потупил очи ясные

Во матушку полату белокамянную.

Владимер красно солнышко

По горенке похаживает,

По светлице погуливает,

Золотым костью поколачивает,

Сам словечушко выговаривает:

— Уж что жа ты невесел сидишь,

Молодец Добрыня млад,

Не весел, буйну голову повесил и не радошен?

Али местичко тебе не по отчинке,

Али чарочки тебе не доносятся?

Отвечает Добрыня Микитич млад:

— Восударь мой Владимир красно солнышко

Со душечкой княгиной-королевишной,

И местичко мне-ко по отчинке,

И чарочки мне твои доносятся.

Уж все жа у тебя на пиру испоженены,

Все они у тебя на пиру разгулялися,

С молодыми жонами забавлялися,

Один я холостой хожу.

Говорит Владимир красно солнышко:  
— Ты почто жа, Добрынюшка Микитич млад,  
Тужишь сам и не скажешь нам?  
Вот тебе дочери дворянские,  
Дворянские и купецкие,  
И из-за того ты, Добрыня, где хошь женись!  
— Не надо мне дочери ни дворянские, ни купецкие!  
У того-то у хресьянина богатого,  
У Микулы Селенина, у серебрянника,  
На его-то меньшей дочери,  
Свет по имени Настасье Микулишне.

У солнышка не пиво варить, все готово было.  
Не белы крыпчаты полетели,  
Не соколы полетели,  
Покатил Владимир красно солнышко  
Со душечкой князиной-королевишной  
К Микулышке сватать.  
Сватанье у них было не долгое, не короткое...  
Она не шла, а Владимир не поневолил.  
В воскресеньце — смотреньце,  
В понедельникок — обручаньице,  
А во вторничок — честная свадебка.  
Бояра были не меньшие, не малые,  
Были большие, сильные могучие богатыри,  
Дружком был сам старай казак,  
Сам старой казак Илля Муровец,  
Тысяцким был сам Владимир красно солнышко  
Со душечкой князиной-королевишной,  
Матвей да Лука были дети боярские.  
Поехала Добрыни свадебка  
К суду божью, ко злату венцу.  
От венца злата Добрынюшка  
Повел Настасею Микулишну  
Ко своей родимой матушке,  
Честной вдове Офимье да Александровне.  
Стал Добрыня жить с Настасьюшкой,  
Жить три годы с Микулишной,  
Жить девять лет и двенадцать лет.  
Требуют Добрынюшку на службу,

На великую службу царскую.  
Стал он Настасьюшке наказывать:  
— Живи ты, Настасьюшка, три годы,  
И девять лет, и двенадцать лет,  
Токо не буду — куды хошь пойди,  
Не ходи только за моего великого недруга,  
За великого недруга за Олешу Поповича:  
Поповьские роды зависливы и лукавые,  
У них в роте собака не привязана!  
( Ругательники!)

Поехал Добрынюшка на великую службу царскую...  
Как Добрынюшка поехал на войну,  
И заезжал домой проститься:  
— Прошай, матушка Офимья да Александровна,  
Прошай, молода жона Настасья Микулишна!  
И голосок его слышали, а проездочки не видели.

Жила Настасьюшка три годы,  
И девять лет, и двенадцать лет.  
Прошли все годы срошные —  
Нету-ка Добрыни из чиста поля,  
Из широкого раздольеца.  
И упеть пир был у солнышка Владимирера,  
Был великой день в половину дня,  
Я княжецкой стол во полустоле.  
В полсыта бояра наедалися,  
В полсыта бояра напивалися,  
Все на пиру разгулялися,  
С молодыми жонами забавлялися.  
Один доброй молодец невесел сидит,  
Один невесел был Олеша Попович,  
Буйну голову повесил,  
Потупил очи ясные в полату белокаменную.  
Владимер красно солнышко  
По горенке похаживает,  
По светлице погуливает,  
Сам словечушко выговаривает:  
— Что жа ты невесел сидишь,  
Молодец Олеша Попович:  
Али местичко тебе не по отчинке,

Али чарочки тебе не доносятся?

Отвечает Олеша Попович:

— Восударь мой Владимир красно солнышко,

И местичко мне-ка по отчинке,

И чарочки мне-ка доносятся.

Уж и все у тебя на пиру испоженены,

И все на пиру разгулялися,

С молодыми жонами забавлялися,

Один я холостой хожу.

Говорит Владимир красно солнышко:

— Ты почто жа, Олеша Попович,

Тужишь сам и не скажешь нам?

Вот тебе дочери дворянские,

Дворянские и купецкие,

И из-за того ты, Олеша Попович, где хошь жанись.

— Не надо мне дочери ни дворянские, ни купецкие,

У того-то у хресьянина богатого,

У Микулы Селенина, у серебрянника,

На его жа меньшей дочери

По имени Настасье Микулишне.

У Владимира красно солнышко

Не пиво варить — все готово было.

Не белы крыпчаты полетели,

Не соколы полетели,

Покатил Владимир красно солнышко

Со душечкой князиной-королевишной

К Микулушке сватать.

Микулишна не шла, а Владимир красно солнышко поневолил жа ее...

Едет Олеша свадёбка

К суду божью, ко злату венцу.

На ту пору приезжал Добрыня Микитич

Из чиста поля, с широкого раздольеца.

(В)стречает его мать Офимья да Алёксандровна,

(В)стречает среди поля.

Добрыня Микитич спрашивает у матушки,

У честной вдовы Офимьи да Алёксандровны:

— А где моя молода жона,

Молода жона Настасья Микулишна?

И ответат ёму родима матушка:

Честна вдова Офимья да Алёксандровна:  
— Молода твоя жона Настасья Микулишна  
У суда божья, у злата венца  
И со злым твоим врагом Олешей Поповичём.

Добрынюшке это за беду палосся,  
За великую досаду показалося.  
Поехала Олеша свадёбка  
От суда божья, от злата венца.  
Добрынюшка говорил своей родимой матушке,  
Честной вдове Офимье да Александровне:

— Дозволь, родима матушка,  
Сходить к Олеше свадёбку повеселить.

Берет он золоты ключи,  
Идет в золоту казну,  
Надеет богатырскую сбрую,  
Берет свои звончаты гусли.  
Идет к Олеше на свадёбку.  
У Олеша были придворнички,  
Придворнички, приворотнички.  
Он придворничкам по грошику давал,  
Приворотничкам — по копеечке,  
А каждая копеечка — пятьсот рублей.  
Выходит он к Олеше на свадёбку,  
Крес(т) он кладет по-писаному,  
А поклон воздает по-ученому,  
На все на четыре стороны,  
А на особь статью — Владимиру красну солнышку  
Со душечкой князиной-королевишной.

Стали они его спрашивать:

— Какой ты земли да какой отчинки?  
— А земли я турецкой, отчинки Станиславской.

Посадили они его во честной пир,  
Зачали угошшать, как себя.  
Говорит он Владимиру красну солнышку  
Со душечкой князиной-королевишной:

— Дозвольте мне-ка в гусли сыграть,  
В гусли сыграть, увеселить свадёбку.

Он первую игру играл — все призаслушались,  
Он вторую игру играл — все призадумались,

Как треттю сыграл — все призаплакались:

А он сам про себя играл.

Стал он опять у солнышка просить:

— Дозволь всемям подать по чаре вина.

Берет он чару в полведра еденой рукой,

Выпиват ее еденым духом.

Подает Владимиру красну солнышку

И всем князьям-боярам,

А на последе — Настасье Микулишне.

Берет он с правой ручки,

Со мезинчика золот перстенек,

Опускает его в чару Настасьюшке,

Опускат, а сам говорит:

— Пить чару до дна — видать добра,

А не пить чару до дна, токо не видать добра!

Пила Настасьюшка, попивала,

Пила-попивала важно до дна,

И прикатился к ее губам золот перстень.

И тот перстень наименованный она узнала:

Обручалась она с им с Добрынюшкой.

Говорит Настасьюшка: Хочу — кругом обойду,

А хочу, так через стол скачу!

Дружка был сам старай казак,

Старай казак Илля Муровец,

И был он умен да догадлив,

Дубовые скамьи приотодвигал,

Выпускал Настасью Микулишну.

Берет ее Добрынюшка за праву ручку,

Ведет ее Добрынюшка на улочку,

Воздавал он честь Владимиру красну солнышку

Со душечкой князиной-королевишной,

А Олеше Поповичу возговорил:

— Хорошо ты играл свадебку, да не с кем спать!

Привел он Настасью Микулишну

Ко родимой своей матушке,

Честной вдове Офимье да Александровне,

Спрашиват (у) родимой маменьки: Как велишь?

Бить мне жону, аль совсем убить молодую?

Мать ему говорит:

— Не бей жону да не увечь молоду,  
Ее князь солнышко поневолил.  
Дай ты ей три грозы женьские,  
Как муж учит жону.

Бил Добрынюшка жону,  
Учил Добрынюшка молоду.  
Раскипелось его сердце богатырское —  
Спустил он ей кожу с головы до пят.

*(Записал А. А. Савельев 10.11 1914 г. от Аграфены Тихоновны Безруких, 57 лет, на нижней Ангаре, в д. Ярки Пинчугской вол. Енисейскою у. Енисейской губ.)*

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.